

хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.

47. Членова Н. Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // СА. 1955. № 23.

48. Потемкина Т. М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. 1979. № 2.

49. Зданович С. Я. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

50. Генинг В. Ф. К вопросу об археологической интерпретации «кентской проблемы» // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.

51. Ломан В. Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.

52. Варфоломеев В. В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Там же.

53. Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.

54. Труфанов А. Я. Жертвенное место Хутор Бор-1 (О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.

55. Труфанов А. Я. Материалы к происхождению и развитию красно-озерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.

56. Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Старо-Маслянское поселение // ВАУ. 1969. Вып. 8.

57. Труфанов А. Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990.

58. Косинцев П. А., Стефанов В. И. Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и Пришимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

59. Сотникова С. В. Поселение Жар-Агач // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск, 1986.

60. Косинская Л. Л. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.

61. Шорин А. Ф. К вопросу об относительной хронологии черкаскульских памятников Южного Зауралья // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.

62. Корякова Л. Н., Стефанов В. И. Городище Инберень IV на Иртыше // СА. 1981. № 2.

63. Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

В. А. БОРЗУНОВ

ЗОТИНСКОЕ IV ГОРОДИЩЕ НА Р. БАГАРЯК

Одним из перспективных направлений урало-сибирской археологии является систематическое изучение ранних укрепленных поселений, их генезиса, развития, конкретных типов и роли в системе военного дела финно-угров [1—5]. Оно сопро-

вождается изменением стратегии раскопок городищ и переходом от классификаций по внешним данным и случайно выбранным признакам к естественно-филогенетическим типологиям [3, с. 27—40]. В этой связи особую роль приобретает получение максимальной информации о каждом новом памятнике.

До середины 60-х гг. характерной чертой полевого исследования урало-сибирских городищ являлось преимущественное изучение бытовых остатков поселенческой площадки при минимальных раскопках фортификаций. Последние вскрывались устаревшим методом закладки поперечных траншей, что отрицательно сказывалось на качестве и объективности получаемой информации. В ряде случаев это приводило к неоправданным заключениям о крайней слабости обороны, незащищенности склонов мысов и отсутствии оборонительных стен на городищах [4, с. 52, 59—60, 67; 6, с. 35—37]. В последнее время наметилась тенденция раскопок городищ большими площадями с обязательным включением территорий валов и рвов. Таким образом, из 192 диагностированных укрепленных поселений раннего железного века Урала исследовано около трех десятков [5, с. 90]. Большая часть полученных материалов пока не опубликована.

Предлагаемая статья посвящена анализу одного из таких поселений. Обращение к нему объясняется тем, что среди тысяч археологических памятников двухслойное Зотинское IV городище является одним из самых ранних укреплений зауральской лесостепи с относительно четко фиксируемой обороной, опорным памятником гамаюнской культуры [7] и третьим по счету стационарно исследованным средневековым бакальским (сылвенским) поселением.

Район, где находится городище, расположен у подножия древнего уральского горного массива, в 90-100 км к востоку от основной цепи Уральского хребта, на границах леса и лесостепи, Урала и Западной Сибири. Это наложило отпечаток на общий ландшафт местности. Река Багаряк, левый приток Синары (бассейн Исети), протекает с запада-северо-запада на восток-юго-восток по дну узкой и тесной долины. По ее сторонам возвышаются коренные террасы высотой 20-30 м с обрывистыми скалистыми мысами. Отдельные участки долины имеют вид ущелий, что сближает Багаряк со многими мелководными горными речками Южного Урала. Долина Синары более широкая. Вдоль рек узкой полосой тянутся березовые леса и реликтовые участки хвойных боров. Междуречья открытые, остепненные. На реках Багаряке и Синаре открыто более двух десятков укрепленных поселений эпохи железа, несколько селищ эпохи бронзы. Памятников эпохи камня, за исключением позднепалеолитического Зотинского грота, не известно.

Зотинское IV городище находится в 1 км к юго-юго-востоку от д. Зотино Каслинского р-на Челябинской обл. В этом месте Багаряк делает петлю и долина расширяется от 60 до 200 м.

С северной стороны в долину вдается обширный мыс левой коренной террасы реки, заканчивающийся подтреугольным скалистым мыском высотой 20 м. Верхняя площадка мыска небольшая (24×26 м), бугристая, покатая. Перепад высот — 2,7 м. С напольной стороны она ограничена дуговидными валом и ровом длиной около 32 м. Площадь памятника — 380 м². Часть ее приходится на неудобные для заселения каменистые склоны. Городище открыто автором в 1976 г. Тогда же исследована его основная незалесенная часть (244 м²) [8, с. 8—44].

Стратиграфия городищенской площадки проста: дерн (мощностью 1-2 см), ниже — поздний черный подзол (2-7 см, в углублениях до 15 см), далее светло-коричневый и местами темно-серый суглинок (2-10 см). Стратиграфия вала: дерн и подзол (2-5 см), под ними — серо-желтый суглинок со щебнем — выкид из рва (10-15 см), перекрывавший красноватый прокаленный суглинок (8-15 см), в нижней части которого на темно-коричневом суглинке (до 12 см) залежали остатки обугленных бревен оборонительной стены. Общая мощность культурных слоев увеличивалась к основанию мыска: на поселении — от 5 до 30 см, на валу — до 45 см. Ров перекрыт дерном (2-3 см) и заполнен поздним черным подзолом (15-30 см). Культурные слои подстилали плотные серо-желтый и желтый суглинки без находок и скала. С подзолом и верхней частью светло-коричневого суглинка связаны остатки средневекового бакальского селища, с нижними слоями — городище начала железного века (см. рис. 1, 6). Это подтверждают и среднестатистические глубины залегания керамики: бакальской — 11 см, иткульской, гамаюно-иткульской и неопределенных типов раннего железа — 14,6-16,6 см, гамаюнской и крестовой западносибирской — 17,6 см.

Городище раннего железного века (рис. 1). *Система обороны и постройки.* Судя по основному комплексу керамики и вещей, их залеганию и связи с раскопанными объектами, городище гамаюнское. Поселение основано на ранее не заселявшейся площадке и, по всей вероятности, не перестраивалось. Обновления фортификаций, нарушения первоначальной планировки, наложения остатков ранних построек одни на другие практически не наблюдалось. В гамаюнский период на небольшой площадке (225 м²) размещалось не менее двух жилищ, медеплавильный комплекс, две камнеобрабатывающие мастерские, одна из которых могла находиться в третьем жилом помещении. Поселение окружала оборонительная система.

Напольный отрезок фортификаций представлял собой бревенчатую стену на невысоком валу, с внешней стороны к которому примыкал ровик-водоотвод. Остатки стены в виде обугленных бревен с кусочками бересты и отдельных кольев в ямках (№ 2, 7, 15) прослежены в раскопе с перерывами на протяжении 20 м. Их консервации способствовал плотный суглинок со

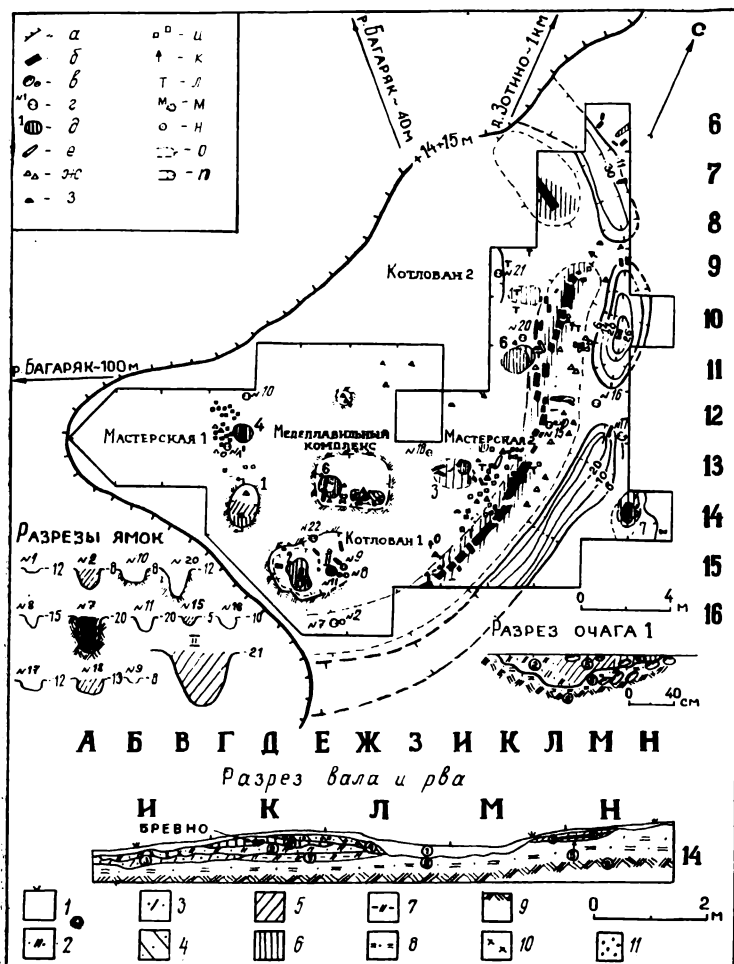

Рис. 1. Зотинское IV городище. Горизонт городища раннего железного века:

а — край террасы реки, б — обугленные бревна, в — камни, щебень, г — ямки от столбов, д — прокол, е — пест, ж — керамика, з — скребок, и — отщепы, к — наконечник стрелы, л — кусок талька, м — медный шлак, н — бронзовая бляха, о — вал, п — ров;
 1 — дерн и подзол, 2 — темно-коричневый суглинок, 3 — светло-коричневый суглинок, 4 — серо-желтый суглинок, 5 — углистый суглинок, 6 — прокол, 7 — плотный серо-желтый суглинок, 8 — плотный желтый суглинок, 9 — скала, 10 — угли, 11 — щебень

щебнем, выкинутый на вал при углублении ровика в бакальское время. Стена однорядная горизонтальной кладки. Сооружена из частично ошкуренных березовых бревен диаметром 25-28 см и укреплена вертикальными кольями, вкопанными в скалу. Вал, являвшийся платформой и крепидой основания стены, в момент сооружения был неширокий и низкий ($1,3-2,1 \times 0,15-0,2$ м). Впоследствии он расплылся и частично перекрыв культурный слой поселения. Насыпь сложена темно-коричневым суглинком, взятым при прокопке рва и поселенческой площадки. В ней встречались обломки гамаюнской и крестовой западносибирской керамики, орудия и кости животных. Ранний ровик неширокий и мелкий ($2 \times 0,3$ м). Он лишь отчасти увеличивал высоту оборонительной системы и в основном использовался как водосток, предохранявший вал от размывания. В двух местах ровик прерывался, образуя перемычки шириной 1,3 и 1,4 м. Напротив северной перемычки бревна стены прерывались. Очевидно, здесь находился главный вход на городище шириной 3 м, закрывавшийся воротами (уч. Л/8-9). Не исключено наличие дополнительного входа типа калитки шириной 1 м, расположенного южнее второй перемычки (уч. К/12-13). В отличие от главного входа, бревна основания стены здесь не прерывались. В этом случае можно определить длину бревен стены, она равнялась 5-7 м.

На склонах мыса, подвергшихся эрозии, оборонительных сооружений не выявлено, но они должны были существовать; без замкнутой системы обороны городище уязвимо, а одна напольная система бессмысленна. По-видимому, укрепления на склонах были просты вследствие естественной укрепленности данного участка.

Судя по находкам в валу, фортификации были сооружены не в самом начале заселения мыса, но вскоре после этого. Гамаюнское селище очень быстро (практически сразу) переросло в городище. О последнем свидетельствуют взаимосвязь планировки строений поселка и его фортификации, а также отсутствие остатков построек под валом.

Своеобразным центром городища был медеплавильный комплекс. Он сооружен в наиболее удобном месте городищенской площадки, почти на гребне мыса (уч. Е-Ж/13-14). В состав комплекса входили плавильная яма и кострище. Они находились в южной половине неглубокого прямоугольного котлована ($3,9 \times 1,8 \times 0,12-0,2$ м), ориентированного продольно оси мыса (ССЗ — ЮЮВ). Северная половина котлована оставалась свободной. Яма, по-видимому, служила основанием металлургического горна. Она однокамерная, в плане узкая овальная. В профиле одноступенчатая ковшевидная — за счет овального углубления в западной половине ($0,84 \times 0,4 \times 0,41$ м). Общие размеры ямы — $1,4 \times 0,52 \times 0,15-0,56$ м. Она, как и котлован, выкопана в плотном желтом суглинке и скальных породах. Заполнение

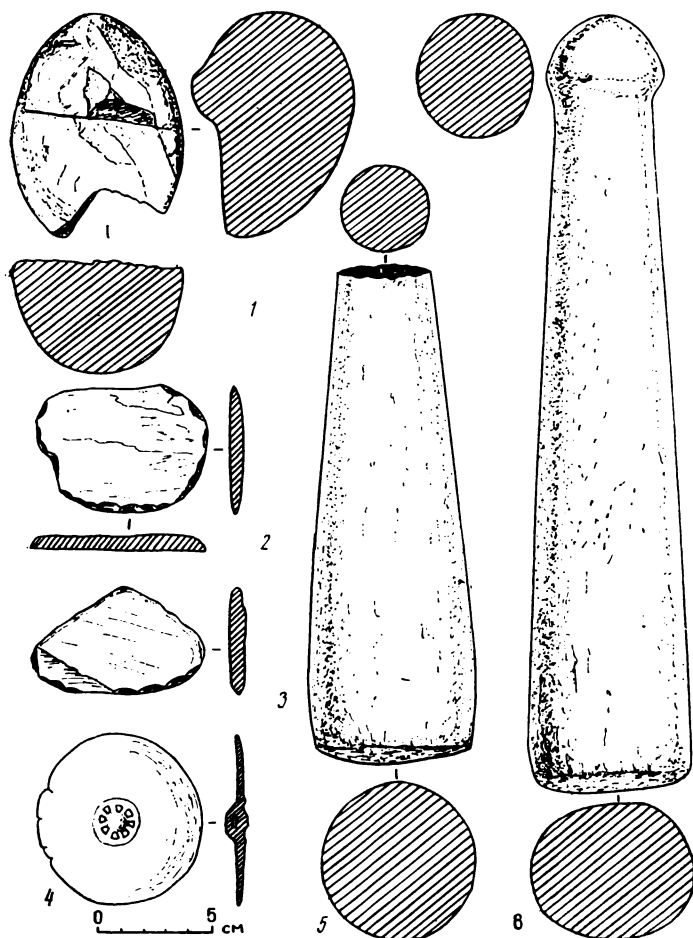

Рис. 2. Зотинское IV городище. Гамаюнские изделия из камня (1—3, 5, 6) и меди (4):

1 — молот-отбойник со следами шлифовки, 2, 3 — скребла; 4 — бляха, 5, 6 — песты

характерное: темно-серая супесь с углями и золой, в нижней части — слой прокаленного красноватого суглинка. Здесь же найдены фрагменты гамаюнских сосудов; по краям — обломки обугленных плах и жердей наземной части горна. Кострище наземное, округлое, диаметр — 0,8 м. Сложено розоватым суглинком мощностью 0,15 м. В центре его — круглое углубление диаметром 0,35 м, заполненное темно-серой супесью. Остатки кострища перекрыты желтым суглинком со щебнем, выкинутым при сооружении котлована 4 бакальского жилища. В костре, у южного края найдены круглая медная бляха и формочка для

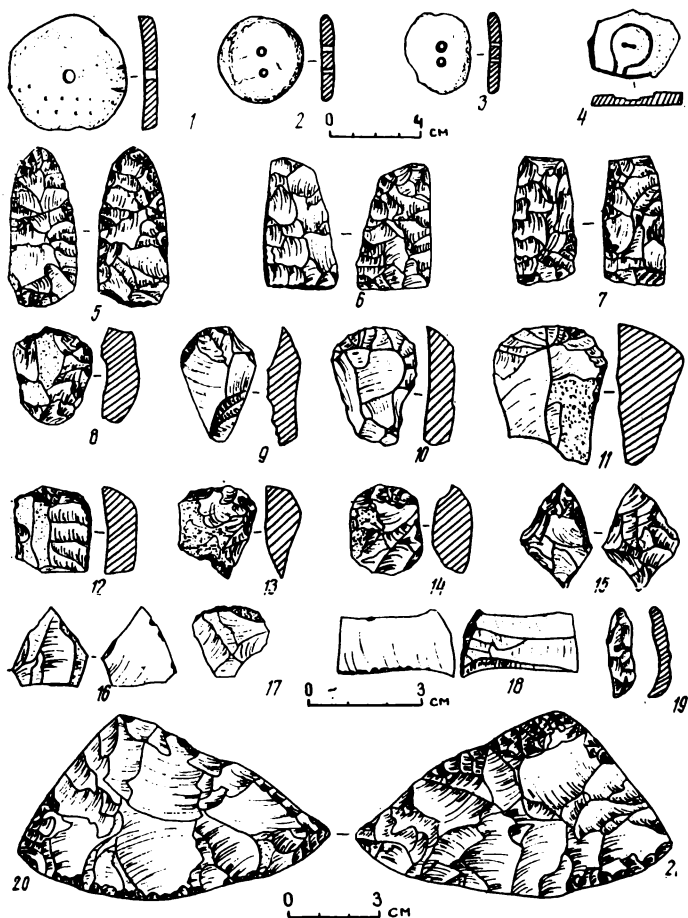

Рис. 3. Зотинское IV городище. Изделия из керамики (1—4) и камня (5—20) раннего железного века:

1 — пряслице, 2, 3 — пуговицы, 4 — формочка, 5, 6 — наконечники стрел, 7 — нож из сло-
манного наковенника стрелы, 8—12, 14, 15, 17 — скребки и скобели, 13 — скребко-острие,
16 — резчик, 18 — пластинчатый отщеп, 19 — сверло, 20 — кожаный нож

отливки петельчатой бляшки-пуговицы (рис.2, 4; 3, 4). Между костром и ямой — кусочек медного шлака и гамаюнская керамика. По-видимому, в горне выплавляли медь, которую перед отливкой изделий разогревали на соседнем костре. В обоих вариантах плавки на гамаюнских поселениях использовалась обычная столовая посуда с обильной примесью талька (городища Уфа VI, Миасское I, Шайдурихинское — нижний слой).

Горны с одно- и двухкамерными ямами широко распространены в местной иткульской культуре, синхронной пришлой гамаюнской в Южном и Среднем Зауралье [9, с. 118—125]. На

гамаюнских поселениях остатки такого горна открыты впервые.

Камнеобрабатывающие мастерские находились в 2-3 м к юго-западу и северо-востоку от медеплавильного комплекса: первая — близ оконечности мыска (уч. Г-Д/12—14), вторая — у оборонительной стены и предполагаемой калитки (уч. З-К/13—14). Ямки от столбов и кольев (№ 1, 10, 18), обломки обугленных жердей и концентрация остатков указывают на то, что мастерские размещались в легких наземных постройках с каркасом из кольев и жердей. Размеры сооружений соответственно — около $6 \times 3,5$ и 5×4 м. Первая мастерская представлена остатками вырубленного в скале очага (№ 1) и наземного костра (№ 4), около которого найдены орудия из камня (молот-абразив, скребки, скобели), отходы камнеобработки (46 отщепов и чешуек), обломки гамаюнских и иткульских сосудов. Костер небольшой, округлый (диаметром 0,6 м), рассчитан на обогрев и освещение небольшого помещения. Очаг в плане овальный, в разрезе ступенчатый ($1,7 \times 1,2 \times 0,22$ м). Заполнен темно-серой углистой, местами розоватой прокаленной супесью с обломками гамаюн-ской керамики. Типологически он близок металлургическим ямам и, скорее всего, имел производственное назначение (обжиг посуды и т. п.).

Помещение второй мастерской было пристроено к оборонительной стене. В 2 м от стены в нем находился чашевидный очажок (№ 3) диаметром 0,5, глубиной 0,06 м. Вокруг очажка прослеживалось овальное ($2 \times 1,3$ м) пятно красновато-желтого прокаленного суглинка с обломками обугленных жердей. Между очажком и стеной залегала основная масса находок: каменные скребки, кожевенный и мясные ножи, пест, сверло, отщепы (14 экз.), пуговица и заготовка пряслица из стенок сосудов, куски талька, кости животных, позвонки рыбы. Чуть поодаль, в 0,6 м к северу от этого скопления, у оборонительной стены найден кусочек листовой меди (уч. К/12), в 1 м к югу от скопления, между уч. З-И/14—15 — обломки глиняного тигля и кремневый наконечник стрелы. Бытовые остатки и достаточно разнообразный набор орудий позволяют предположить, что вторая мастерская располагалась в жилом помещении. Последнее обычно для гамаюнских поселений.

Остатки жилища без явных следов производства орудий открыты в южном углу городища, на небольшой площадке между первой мастерской, медеплавильным комплексом и оборонительным валом (уч. А-Ж/14—16). Это было каркасно-столбовое сооружение с неглубоким овальным котлованом в центре, ориентированным параллельно оборонительной стене. Северо-восточная часть котлована разрушена при строительстве бакальского жилища. Максимальные размеры котлована — $3,7 \times 2,2 \times 0,15$ м, а всего помещения — около 6×4 м. В юго-западной половине находилось большое овальное кострище (№ 2), сложенное углистой супесью мощностью около 0,1 м. Размеры

кострища — $1 \times 0,75$ м. На дне котлована расчищены ямки от столбов и кольев диаметром 8—20 см (№ 4, 8, 9, 11, 12), в заполнении — обломки обугленных бревен и жердей. У западной стенки котлована найдены каменные скребок и отщеп.

Еще одно ранее жилище находилось в северной части городища — напротив главного входа (уч. З-К/8—10). Вскрыты только северо-западная часть его котлована глубиной 0,2 м и ямка от столба (№ 21). Остальная площадь жилища сильно залесена. В темно-коричневом суглинке, заполнявшем котлован, найдены два скребла из сланца, мелкие куски талька и гамаюнская керамика. Котлован частично перекрывала поздняя наброска из камней.

К востоку от котлована (у оборонительной стены) расчищены два овальных пятна прокаленного розоватого суглинка ($1,6—1,8 \times 0,6—1$ м) на расстоянии 1,7 м один от другого и ямка от столба (№ 20; уч. К-Л/9—11). Между прокалами и стенами в раннем слое найдены обломки гамаюнских и иткульского сосудов, часть песта, скобель из халцедона, овальная керамическая пуговица и шлаки (возможно, поздние). В валу у стены и снаружи от нее залегали обломки плоскодонного западносибирского сосуда с крестовым орнаментом, гамаюнская керамика, кусочки талька, каменный наконечник стрелы и кости животных. Возможно, это следы наиболее ранних построек на поселении.

Северо-западная часть городищенской площадки оставалась относительно свободной. К гамаюнскому времени здесь относится только вырубленная в скале подквадратная ямка ($0,4 \times 0,35 \times 0,18$ м), в которую был установлен сосуд с крестовым орнаментом (уч. Е/12). Ямка заполнена светло-коричневым суглинком, на дне — углистая прослойка. Ямка и отдельные находки на дне и за пределами средневекового жилища (крестовая керамика, отщепы, заготовки пряслиц), вероятно, являлись остатками разрушенных гамаюнских сооружений на уч. Д-Ж/12—13.

За пределами городища (у восточного участка рва) открыты остатки небольшого котлована неправильной овальной формы глубиной 0,2 м. Ширина исследованной части — 1,6—2 м. В центре его — круглое кострище диаметром 0,85 м, сложенное красноватым суглинком. В кострище и заполнении котлована залегали обломки обугленных жердей диаметром 13—15 см. Здесь же найдены кремневый пластинчатый отщеп из зеленой яшмы, керамика с примесью талька и кости животных. Шурфовка в других местах террасы находок не дала. Вероятно, селище за пределами городища отсутствовало, а данные остатки относились к догородищенскому периоду гамаюнского поселка.

Керамика раннего железного века представлена фрагментами не менее 42 сосудов: 30 — гамаюнских, 1 — западносибирской с крестовым орнаментом, 6 — иткульских и гамаюно-иткульских, 5 — неопределенного типа.

Гамаюнская керамика (рис. 4, 1—8, 10). Изготовлена вручную из глины с примесью толченого талька, иногда обильной. Цвет черепков розовый, бордовый, желто-серый, серый. Обжиг костровый. Все сосуды горшечные, преимущественно средних размеров, диаметр по венчику в среднем 26,6 см (для гамаюнской культуры — 25,4 см), две трети из них диаметром от 10 до 20 см. Венчики плоские со скосом наружу (51,8 % из 27 определенных), округлые (44,5 %) и один приостренный. Шейки прямые, слабо отогнутые наружу — до 30° от вертикали, иногда с утолщением (11,1 %). Плечики выпуклые, переходящие в раздутое тулово и зауженную придонную часть. Днища округло-уплощенные с намечающимися закраинами. Плоских нет. Орнамент сплошной, с примыкающими друг к другу горизонтальными зонами. Он покрывает почти всю поверхность сосуда (кроме придонной части), а также более половины венчиков и внутренние части шеек под венчиками (59,2 %). Основные техники орнаментации — штампованная крестовая (57,8 % всех орнаментов) и ямочная (35,2 %); на двух сосудах встречена волнисто-прокатанная. Из четырех основных орнаментальных типов гамаюнской посуды [7, с. 99; 10, с. 82] на данном памятнике преобладают сосуды с ямочно-крестовой орнаментикой (28 экз.); по одному сосуду — с ямочно-волнистопрокатанной и ямочно-крестово-волнистопрокатанной (см. рис. 4, 3, 4). Узоры на керамике простые: сдвоенные и строенные ямки на шейках, горизонтальные и наклонные пояски крестиков, крестики в шахматном порядке, горизонтальные пояски змеек на шейках и стенках. На днищах — двойной крест в двойном круге, выполненный подтреугольными ямками-наколами.

Автором проведен статистический сравнительный анализ 14 основных гамаюнских керамических комплексов по всем визуально фиксируемым признакам (размерам сосудов, форме деталей, примеси к глине, обработке поверхностей, степени, технике и элементам орнаментации) и отдельно — признакам орнаментации [7, с. 87—103; 10, с. 86—89, табл. 3—26] с построением соответствующих моделей взаимосвязей. Он выявил наибольшее сходство керамики Зотинского IV городища с посудой поселений VI—IV вв. до н. э. (городище Красный Камень, Зотинское II, поселения Березки II, Палкинское левобережное), наименьшее — с комплексами, датирующимися в пределах X—VII вв. до н. э. (городища Оськинское I, у оз. Мелкого, Миасское I, укрепленные поселения-жилища Туманское верхнее и нижнее, поселение на мысу Еловом).

Из общей массы крестовой посуды резко выделяется явно неместного происхождения большой горшечно-баночный сосуд с диаметром по венчику 31 см. Черепки его песочно-желтого цвета с примесью в глине песка и слюдяных блесков. Венчик округло-приостренный, шейка слабоогнутая (почти прямая), плечики и тулово слабопрофилированные, дно плоское. Орна-

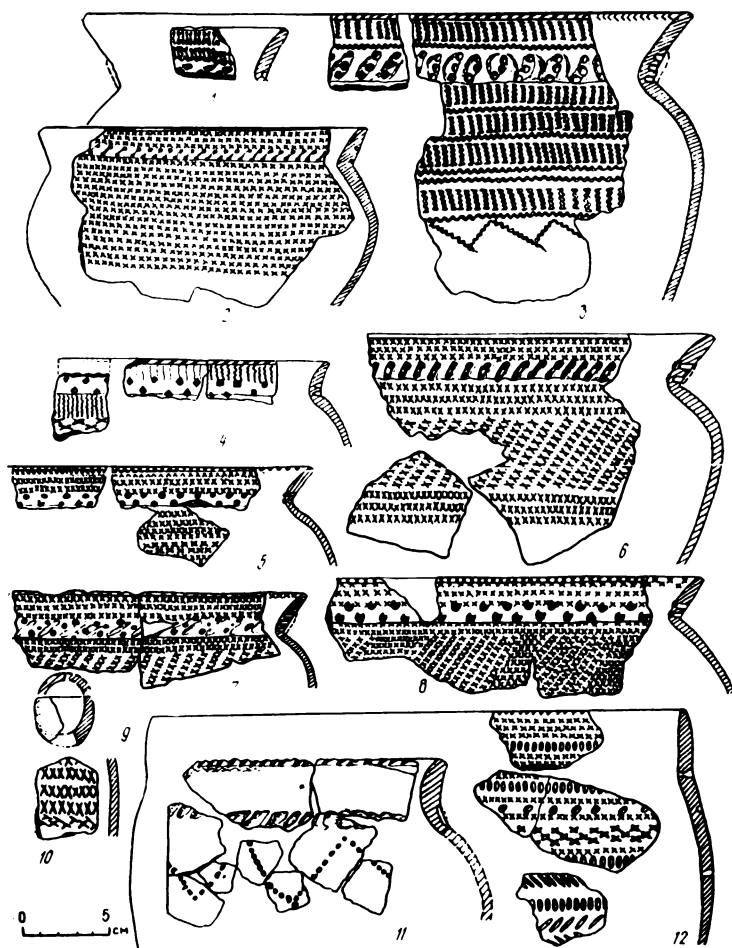

Рис. 4. Зотинское IV городище. Керамика раннего железного века:

1—8, 10 — гамаюнская, 9, 11 — гамаюно-иткульская, 12 — карьковская или красноозерская

мент на сосуде сплошной с примыкающими друг к другу горизонтальными поясами косых крестов (иногда в шахматном порядке), поясками круглых ямок, овальных насечек и многорядной резной елочки (см. рис. 4, 12). По типологии и условиям залегания этот сосуд — один из самых ранних на памятнике. Ближайшими аналогиями ему являются карьковская керамика Ишима, красноозерская Иртыша IX—VII вв. до н.э. [11, с. 5—61, табл. 22—24; 12, с. 115—116, рис. 3, 4, 7] и отчасти горшечно-баночные сосуды андроновидных культур эпохи поздней бронзы урало-сибирской лесостепи. Формирование посуды с крестово-резным орнаментом обусловлено смешением пришлых таежных и местных лесостепных групп. Находки западно-сибирских сосудов с крестовым орнаментом на гамаюнских памятниках в Зауралье (городище Зотинское IV, Миасское I, Уфа VI), а гамаюнской и иткульской-гамаюнской посуды — в Западной Сибири (городища Барсов городок I/10, Инберень VI, селище Барсова гора II/16а, поселение Новотроицкое I), свидетельствуют о спорадических контактах населения культур крестовой керамики в начале железного века.

Вторая по численности группа керамики Зотинского IV городища с обедненной ямочно-насечковой орнаментацией (см. рис. 4, 11; 6, 1—10) соответствует второму типу иткульской [13, с. 120—125] и четвертому — гамаюнской [7, с. 99; 10, с. 82, рис. 80, 4]. Формирование ее связано с межкультурными гамаюно-иткульскими контактами (культурный и хозяйственный обмен, экзогамные браки и т. д.), определенным проживанием двух различных этносов на одной территории. Морфология, техника обработки поверхностей, ямки в основании шеек сосудов этой группы сходны с гамаюнскими. Тогда как значительное утолщение шеек с внутренней стороны, примесь песка, наряду с тальком, разреженная ямочно-насечковая орнаментация на венчике и плечиках, зашпы — иткульские элементы.

Небольшая группа сосудов, культурная диагностика которых затруднительна, представлена малыми неорнаментированными чашами и горшками. Диаметр по венчику у них колеблется от 2,8 до 10 см. В глине — примесь песка и талька. Один сосуд имеет короткую (0,6 см), резко отогнутую шейку, выпуклые плечики и тулово; три остальные — наклоненные внутрь стенки без шеек. Днища, по-видимому, круглые. Один из последних сосудов можно отнести к льячкам (см. рис. 4, 9). С определенной долей вероятности, некоторые сосуды можно соотнести с иткульскими. При этом примечательно, что во всем керамическом комплексе городища нет иткульской посуды первого типа — без инокультурного воздействия [13, с. 120—125].

Орудия труда и украшения. Предметы из металла в гамаюнской культуре редки, что подтвердили и раскопки Зотинского IV городища. Выплавляемая из окисленных руд медь шла только на украшения: бляхи, пуговицы-бляшки, подвески. Орудия из

цветных металлов не изготавливались. Бляха с данного памятника — круглая, диаметром 7,4 см, плоская, со слегка опущенными и заостренными краями. На лицевой стороне, в центре, соларный знак — вписанный в круг круглый диск-шишечка с восемью лучами. На обратной стороне — петля для пришивания украшения на одежду (см. рис. 2, 4). Круглые петельчатые бляхи обнаружены и на других гамаюнских поселениях (Палкинское левобережное, на оз. Ирбитском). Культурно-хронологический диапазон бытования подобных изделий довольно широк: от приказанской, андроновской, карасукской и томской культур до скифской, ананьинской, иткульской, тагарской и кулайской. Анализ металла данной бляхи, проведенный в лаборатории ИА АН СССР (ИА-2383)¹, выявил металлургически чистую медь и следы серебра (0,03 %). Примечательно, что ту же примесь имели круглые петельчатые бляхи и обломок ахеменидской чаши с Палкинского левобережного поселения [14, с. 79]. Высокое содержание серебра не характерно для уральских руд (исключение — Никольское месторождение в Учалинском р-не Башкортостана [15, с. 41—42]). Возможно, примесь серебра в гамаюнских украшениях — следствие переплавки привозных изделий из богатых серебром Рудного Алтая, Средней Азии и других областей.

Большинство орудий городища (как и гамаюнской культуры в целом) изготовлено из камня (24 экз.)². Макроорудия производились из габбро, гранита, галечника (песты, молот-отбойник). Средние по размерам изделия — из плитчатого сланца (скребла), черного кремня или темно-серой яшмы (кожевенный нож). Мелкие формы (скребки, скобели, наконечники стрел и др.) — из черного, темно- и светло-серого непрозрачного или полупрозрачного кремня, окремнелых пород (62,5 % всех найденных орудий) и бордово-красного халцедона (12,5 %). Орудия монофункциональные (21—87,5 %), как исключение — полифункциональные комбинированные (скобель-скребок, скребок-острие) и вторичные — из сломанных изделий (нож из сломанного наконечника стрелы). Приведем их краткие описания.

Массивный фаллический шлифованный пест из темно-серого габбро. Сечение в верхней части орудия круглое, в нижней — овальное. Размеры 33×4,5—7,1×4,5—6 см. Рабочий конец трещиноватый, со следами сильной сработанности (см. рис. 2, 6). Обломок конусообразного песта из светло-серого гранита (21×7,5×4 см). Рабочая часть орудия округлая, сглаженная (см. рис. 2, 5). Вероятное использование орудий — металлургическое и гончарное производство (дробление руд и каменного

---

¹ Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность С. В. Кузьминых и Е. Н. Черных за проведение анализов гамаюнского и иткульского металла из раскопок автора.

² Трасологический анализ орудий выполнен Н. А. Алексашенко и Ю. Б. Сериковым.

талька). Характерно, что из 11 кусков талька 8 найдены в непосредственной близости от пестов. Аналоги фаллическому песту известны по случайным находкам на Ирбитском озере и в лесостепном Притоболье. Иногда такие песты встречаются в комплексе с каменными плитками с головами баранов, ориентировочно датированными П. А. Дмитриевым VI—III вв. до н. э. [16, с. 19—21; 17, с. 84—85].

Молот-отбойник из яйцевидной гальки длиной 10,5, диаметром 8,8 см. Одна из сторон гальки имеет уступ со следами зашлифовки. Рабочий конец орудия сломан (см. рис. 2, 1).

Два скребла для обработки кож. Одно неправильной овальной формы из темно-серого плитчатого сланца, другое — подтреугольной из беловатого сланца. Лезвия дуговидные, оформлены сколами с обеих сторон плиток. Размеры орудий — (7,7×4,6×0,6 и 7,5×5,8×0,7 см соответственно (см. рис. 2, 2, 3). Скребла данной разновидности использовались для удаления мездры. Трасологический анализ аналогичных изделий со стоянок лесного Зауралья выявил, что работник находился справа от обрабатываемой шкуры и производил движение орудием на себя. Скребло устанавливалось под углом 80—85° на обрабатываемую поверхность и в процессе движения принимало перпендикулярное положение, а затем слегка отклонялось назад [18, с. 210—215].

Кожевенный нож подтреугольной формы (7,4×5,5 см) с дуговидным лезвием длиной 10,4 см. Изготовлен из высококачественного черного кремня (темно-серой яшмы), обработан двусторонней плоской ретушью, лезвие — мелкой притупляющей ретушью (см. рис. 3, 20). Близкие по форме, технике изготовления и материалу ножи известны на ряде гамаюньских памятников (поселение на мысу Еловом, городище Зотинское II и др.). Е. М. Берс принимала их за наконечники копий и дротиков [16, с. 57, рис. 1, 1]. В качестве мясных ножей использовались пластинчатые и обычные отщепы из темно-серого кремня (3 экз.).

Самую многочисленную и морфологически устойчивую группу орудий составляют скребки для обработки шкур (6 экз.), скобели по дереву (2 экз.) и их модификации (скребок-скобель, скребок с острием). Сырьем для их изготовления служили халцедон, непрозрачный и полупрозрачный кремнь и окремненные породы, иногда невысокого качества. Все орудия, за исключением одного скребка (см. рис. 3, 12), имеют подтеску с брюшка. Основным морфологический тип — изделия с округлым лезвием, ударным бугорком и зауженной тыльной частью — ручкой (см. рис. 3, 11, 13, 17). Реже встречаются скребки и скобели подпрямоугольной, овальной или ромбической формы (см. рис. 3, 12, 14, 15). Размеры орудий — 1,8-3,6×1,7-3×0,5-1,6 см.

Наконечников стрел три: один целый и два сломанных (см. рис. 3, 5—7). Один из сломанных использовался в качестве ко-

жевенного ножа (см. рис. 3, 7). Они изготовлены из отщепов беловатого (1 экз.) и черного кремня — темно-серой яшмы (2 экз.) двусторонней плоской ретушью. Целый наконечник листовидный, близкий к овалу: с округлым основанием, дуговидными сводчатыми гранями и тупым острием (115-120°). Сломанные орудия первоначально имели подтреугольную форму, прямые грани и основание. Размеры целого изделия — $4,1 \times 1,7 \times 0,5$ см, обломков — $3,4 \times 1,5-1,8 \times 0,5$ см.

Резчик по кости и дереву представляет собой пятиугольный пластинчатый отщеп темно-серого кремня с желвачной коркой. Размеры его — $2 \times 1,5-2$ см. Угол острия — 77° . На длинных боковых гранях — фасетки от следов работы (см. рис. 3, 16).

Из общей массы орудий выделяется ножевидная пластина (пластинчатый отщеп) из зеленой яшмы с оранжевой желвачной коркой. В плане она подтрапециевидная, в сечении — треугольная. На спинке сохранились негативы сколов более мелких пластин и отщепов. Со стороны плоского брюшка, на лезвии, прослеживаются фасетки от следов работы. Размеры орудия — $2,5-3,1 \times 1,5-1,8 \times 0,3-0,4$ см. Вероятно, пластина использовалась в качестве ножа или скобелька (см. рис. 3, 18).

Приведенные формы мелких каменных орудий зародились задолго до эпохи железа в различных регионах Евразии, включая Урал, и бытовали до средневековья. Спецификой гамаюн-ской культуры являлось изготовление орудий только из отщепов техникой двусторонней плоской ретуши, преобладание среди скребков и скобелей специфических вытянутых и зауженных книзу форм, среди наконечников стрел — подтреугольных форм, а также морфологическая устойчивость и серийность орудий, связанных с охотой, обработкой шкур и дерева (наконечники стрел, скребки, скобели, скребла) при относительной аморфности других категорий изделий.

Предметы из глины и обломки керамики Зотинского IV городища представлены литейной формочкой, обломками тигля, пуговицами, пряслицами и их заготовками.

Нижняя часть составной литейной формочки изготовлена из стенки сосуда. Черепок с неровными краями, прокаленный, розовато-коричневого цвета, в глине — большая примесь талька. Размеры изделия — $2,8 \times 2,1$ см, толщина — $0,4-0,5$ см. На одной из сторон черепка вырезано плоское круглое углубление диаметром 1,9 см и идущая от него к краю черепка канавка для заливки металла шириной 0,4 см. В центре углубления — канавка для отливки петельки (см. рис. 3, 4). Аналогичные формочки для отливки петельчатых бляшек-пуговиц найдены Е. М. Берс на мысу Еловом и Палкинском левобережном поселении в окрестностях Свердловска.

Обломки лепного овального тигля. Венчик тигля округлый, толщина стенок изделия 1 см. Глина сильно прокаленная беловато-коричневая с примесью песка.

Пуговицы из стенок сосудов двух видов: круглая (диаметром 3,6 см) и овальная (3,5×2,8 см) с подшлифованными краями. В глине — примесь талька. В центре каждой пуговицы просверлено по два круглых отверстия диаметром 0,3-0,35 см, на расстоянии 0,3-0,5 см одно от другого (см. рис. 3, 2, 3).

Пряслица из стенок сосудов: одно целое (см. рис. 3, 1), шесть обломков и заготовок. В глине — примесь толченого талька. Все пряслица округлые; диаметр целого изделия — 3,6 см, остальных — около 3,5-4 см. На внешней поверхности целого пряслица прослеживаются следы гребенчатого (иткульского ?) орнамента. Кроме того, в коллекции имеется заготовка пуговицы (или пряслица) в виде овальной керамической плитки (2,7×2 см) с зашлифованными краями.

Вероятно, к раннему комплексу относится и небольшой (3,4×2,8 см) обломок глиняной трубы диаметром около 4 см и толщиной стенок 0,6—0,7 см (рис. 5, 12). Глина серая с примесью песка и шамота. Аналогичные изделия, часто встречаемые на иткульских памятниках, являются соплами, которые вмазывали в заслонку топки металлургического горна [9, с. 121, 123; 20, с. 139, рис. 3, 4; 21 рис. 2, 10, 11].

Остеологические остатки представлены 106 костями животных и позвонком рыбы (мелкий частик). Судя по глубинам и слоям залегания, большая их часть связана с городищем раннего железного века. Из 15 определимых костей животных 12 принадлежали трем особям козули, две — мелкому рогатому животному, одна — лошади³.

Среди приведенных находок нет ни одной, имеющей точную дату. Поэтому хронология памятника может быть установлена на основе комплексного анализа всех данных, в том числе косвенных. Зотинское IV городище, по-видимому, — одно из ранних поселений каслинско-синарского варианта гамаюнской культуры [7, с. 78, рис. 2]. Об этом свидетельствуют малые размеры памятника, приближающиеся к площади ранних традиционных гамаюньских укрепленных поселений-жилищ, вмещавших общины численностью не более двух десятков человек. Примечательна также находка на городище сосуда карьковского или красноозерского типа. Небезынтересен тот факт, что здесь отсутствуют обычные для каждого достаточно хорошо исследованного гамаюно-иткульского памятника иткульские металлические изделия и воробьевская керамика VI—IV вв. до н.э. С определенной долей вероятности, Зотинское IV городище можно датировать VII—VI вв. до н.э. и отчасти синхронизировать с расположенным в 10 км к западу от него Ближним Багарякским укрепленным жилищем. Более поздние материалы — в пределах VI—III вв. до н.э. — содержат другие гамаюньские и иткульские городища зотинского микрорайона на р. Багаряк — Крас-

³ Определение палеонтолога П. А. Косинцева.

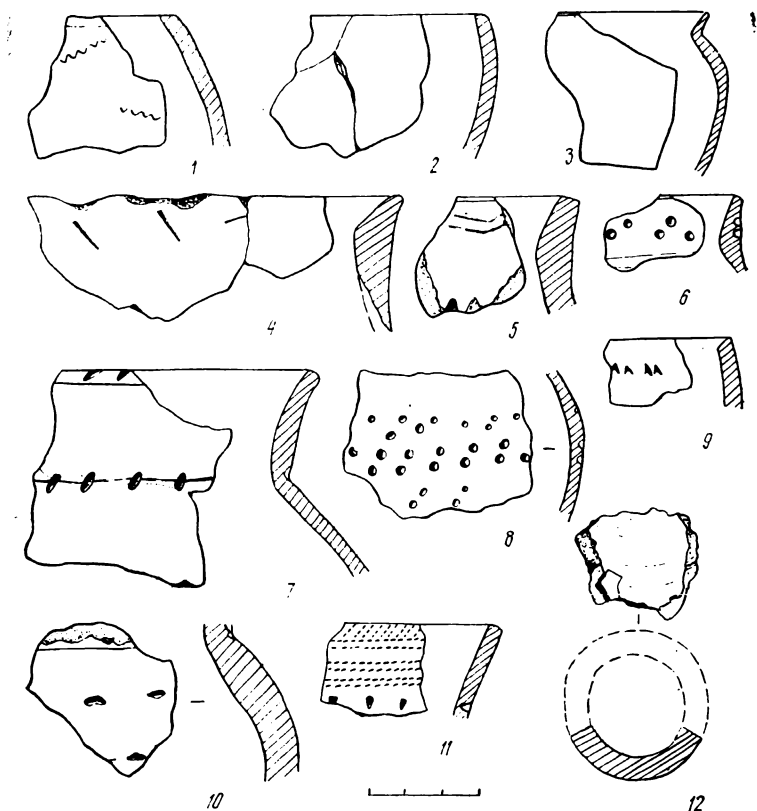

Рис. 5. Зотинское IV городище. Керамика (1—11) и обломок глиняного сопла (12):

1—10 — иткульско-гамаюнская и неопределенных типов, 11 — батырская или юдинская

ный Камень, Зотинские II, III, Колпаковское, а также находящееся неподалеку Каменогорское городище на р. Синаре.

В целом все материалы городища, как и другие гамаюнские комплексы, характеризуют пришлое гамаюнское население как охотников на лесных копытных, отчасти рыболовов, постепенно, под влиянием местной высокоразвитой иткульской культуры, приобщавшихся к основам скотоводства и, по-видимому, цветной металлообработки. Первоначальное освоение северными пришельцами Южного Зауралья, в частности бассейнов Багаряка и Синары, занятых особым племенным объединением, носило немирный характер. На это указывают всплеск строительства гамаюнских и иткульских крепостей и многочисленные следы их разрушения, в том числе на данном городище. Впоследствии связи нормализовались. Следы стабильных контактов являются специфическая группа посуды второго иткуль-

ского и четвертого гамаюнского типов, а также постоянные находки гамаюнских сосудов на иткульских поселениях, и наоборот.

Около VI—IV вв. до н.э. в зауральской лесостепи складываются относительно большие (до 2-3 тыс. м²) укрепленные поселения типа Зотинского II, Каменогорского, Красного Камня, Дальнего Багарякского, заселенных смешанным населением — гамаюнским, иткульским, воробьевским, гороховским и др. Вероятно, гамаюнские племена включаются в единую культурно-хозяйственную модель с естественно сложившимся на рубеже бронзового и железного веков разделением труда между общинами металлургов, скотоводов, охотников и рыболовов Зауралья. Консолидации зауральского населения в это время способствовали и внешние факторы: усиление миграционных процессов в степи и на южной кромке лесостепи, вызванное развитием кочевого скотоводства и формированием новых союзов племен в среде номадов Приуралья и Казахстана. С этого времени пограничные гамаюно-иткульские фортификации, рассчитанные на защиту их общин от взаимных набегов, начинают играть роль щита, прикрывавшего внутренние лесные районы от давления савромато-сарматского и отчасти — гороховского населения.

Средневековое селище, основанное почти через полторы тысячи лет после разрушения гамаюнского городища, характеризуется менее выразительными материалами (рис. 6). Площадь его по сравнению с ранним поселением не увеличилась.

В бакальское время ров-водоотвод несколько углублен, но фортификации не восстановлены. Грунт со дна рва насыпан на ранний вал, законсервировав в нем остатки гамаюнской стены. Этот бруствер вместе с новой водоотводной канавой предохранял покатую поселенческую площадку от затопления во время ливней. Постепенно канава заполнилась подзолом, в котором при раскопках изредка встречались мелкие неопределимые кости животных, обломки посуды и железные (?) шлаки (уч. М/9-10). В том же подзоле, рядом с северным отрезком канавы (уч. Л/7), найден железный предмет типа долота или клина (см. рис. 6, б).

На поселении возведено несколько наземных построек с неглубокими котлованами. Два из них сохранились наиболее полно: на оконечности (№ 3) и в центре мыса (№ 4).

Котлован 3 выкопан на свободной от ранних объектов площадке (уч. А-Б/12-13). Он подромбический, относительно миниатюрный, слегка углубленный в скальный грунт (2,6×2,1××0,1 м). В центре его находился открытый наземный очаг диаметром 0,5 м, в юго-восточном углу — вырубленная в скале круглая (диаметр — 0,6 м) яма глубиной 0,15 м. В черном подзоле, заполнявшем котлован, найдены обломки бакальской керамики. Площадь сооружения, очевидно, не ограничивалась котлованом, однако в целом незначительна — примерно 8-12 м².

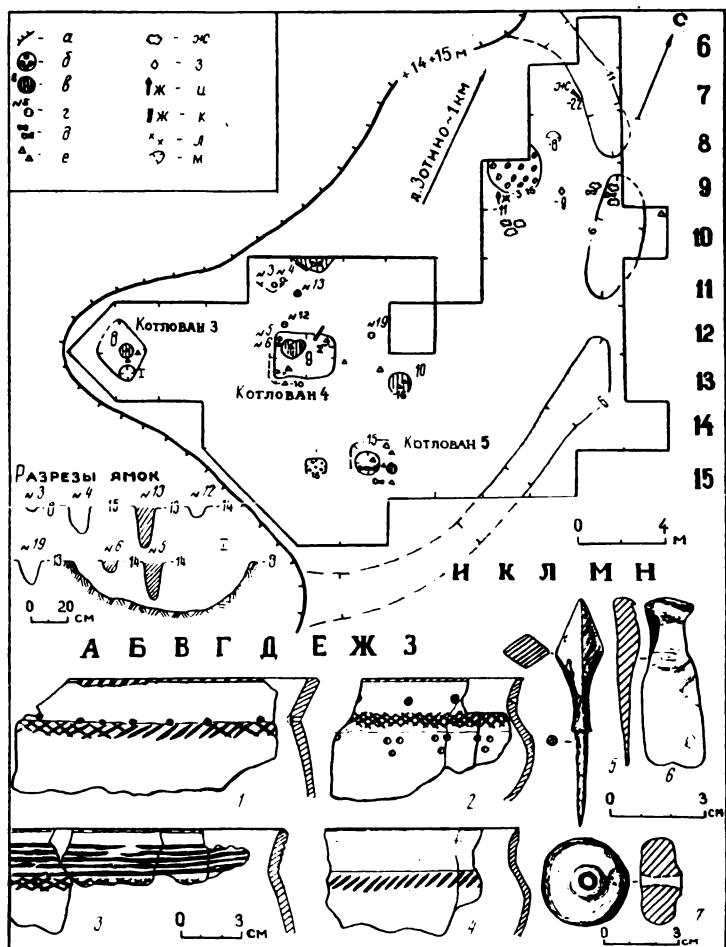

Рис. 6. Зотинское IV городище. Горизонт средневекового бакальского селища:

1—4 — бакальская керамика, 5 — железный наконечник стрелы, 6 — железный клин или долото, 7 — глиняное пряслице; а — край террасы реки, б — наброска из камней, в — очаг, провал, г — ямка от столба, д — кости животных, е — керамика, ж — шлак, з — пряслице, и — наконечник стрелы, к — клин, л — угли, м — заплывший ров

Это, а также расположение постройки на самом краю скалы — в месте, непригодном для нормального жилого помещения, наводит на мысль о ее специфическом назначении. Только отсюда просматривается достаточно значительный участок речной долины. Возможно, это послужило причиной возведения здесь легкой каркасной постройки типа чума, являвшейся постоянным наблюдательным пунктом.

Котлован центрального жилища бакальского селища — подпрямоугольный (2,8-3×2,4 м) глубиной 0,15-0,2 м (уч. Д-Е/12-13). Сориентирован продольно мысу (ВСВ — ЗЮЗ). При вырубке котлована частично разрушен западный угол гамаюнского медеплавильного комплекса. Однако выкид суглинка со щебнем, отложившийся поверх раннего кострища и металлургической ямы, предохранил их от разрушения. Западный угол котлована занимало большое овальное кострище (1,2×1 м). В том же углу и за пределами котлована расчищено несколько ямок от столбов, заполненных углистой супесью и обгорелым деревом (№ 5, 6, 12). В северном углу и рядом с ним залегали обломки обугленных жердей длиной 0,6-0,7 м, диаметром 8 см.

Подпрямоугольный угол еще одного средневекового котлована 5 открыт в южной части селища — между котлованом 4 и водоотводным рвом (уч. Ж-З/14-15). В пределах его были сооружены округлая в плане хозяйственная (?) яма диаметром 1,08 м и небольшой очаг. На различных глубинах в яме залегали фрагменты бакальских сосудов и кости животных. В полуметре к востоку от котлована находилась подпрямоугольная яма (0,6×0,55 м), прорезавшая гамаюнское жилище (уч. Е/15). Она была заполнена подзолом с крупным щебнем и обломками бакальской посуды.

Та же керамика обнаружена в кострищах, расположенных в центре и у северо-западного края мыска (уч. Ж-Е/11). Вдоль края последнего очага лежала обугленная жердь длиной 0,6 м, диаметром 10 см, а неподалеку находилось несколько ямок от столбов (№ 3, 4, 13).

Жилые сооружения бакальского периода, несмотря на значительную временную удаленность от поселения раннего железного века, практически не отличаются от гамаюнских построек данного городища. Расхождения намечаются как будто только в формах котлованов: округлых и овальных — в начале железного века, подпрямоугольных — в эпоху средневековья. В целом же как те, так и другие строения — наземного типа со слегка углубленной центральной частью. Постройки без котлованов — исключение. Остовом жилищ служили колья и тонкие жерди, поверх которых, вероятно, натягивались шкуры животных. Сравнимы и площади построек обеих эпох, варьиовавшие в пределах от 15 до 25 м². В жилищах находились очаги и хозяйственные ямы, обычно в пределах котлованов. «Заплетчики» по краям котлованов использовались в качестве мест от-

дыха. Характерной чертой гамаюнских построек являлось совмещение функции жилья и производственного помещения, как правило, — камнеобрабатывающей мастерской. Данных по бакальским жилищам в этом плане для окончательных выводов пока недостаточно.

В теплое время года основная хозяйственно-бытовая и производственная деятельность на поселении происходила за пределами жилищ. Этим объясняется устройство некоторых очагов на открытом воздухе и сосредоточение вокруг них культурных остатков.

Трудно установить, к какому времени относилась округлая в плане (2,5 м) наброска из крупных камней, расположенная напротив главного входа на городище (уч. К-Л/8-9). Она залегала на глубину 3-15 см и частично перекрывала котлован гамаюнского жилища. Рядом с ней на глубине 11 см найден средневековый железный наконечник стрелы (см. рис. 6, 5). Аналогичная овальная в плане (2,2×1,2 м) наброска вскрыта автором на соседнем Зотинском II городище. Сходна и ситуация ее расположения — напротив одного из входов на поселении раннего железного века. Вместе с тем средневековые материалы на данном памятнике не найдены.

Керамика бакальского селища представлена обломками 21 горшечного сосуда (см. рис. 6, 1—4). Посуда лепная коричнево-серых тонов кострового обжига. Черепок плотный. В глине — примесь песка и очень незначительная — толченого талька. Внутренняя и внешняя поверхности двух третей сосудов заглажены мягким предметом (рукой или травой), у остальных — гребенкой. Венчики разнообразные: большей частью двухгранные, приостренные плоскостями внутрь и наружу (10 экз.), остальные плоские горизонтальные (3), приостренные (5), по одному плоскому (скошенному внутрь с закраинами) и округлому. Шейки невысокие — от 0,5 до 2,3 см, прямые, слабо отогнутые. Плечики и тулова выпуклые. Придонные части и днища округлые. На отдельных горшках слабо намечается уступ при переходе от плечика к стенкам. Орнаментирована большая часть венчиков (72,4 %), шеек (59 %), у всех сосудов украшены плечики, ниже орнамент отсутствует. Орнаментальная схема проста: венчики украшены наклонными и прямыми насечками, плечики — наклонными насечками, резной крестообразной сеткой, строенными ямками; на шейках нанесены пояски круглых одинарных ямок, эсвидные узоры, прочерченные полосы, резные полулунницы. Основные техники орнаментации — насечка (48,5 % всех узоров), резная крестовидная сетка (20 %), ямки (14,3 %). Остальные приемы единичны.

Представленная характеристика в основном соответствует общему комплексу бакальской керамики сылвенской культурной общности IX—XV вв. [22, с. 138—139, рис. 2, 1—19]. При этом визуальное сравнение комплексов показывает, что посуда

Зотинского IV городища наиболее сходна с керамикой Старо-Лыбаевского городища [23, с. 147—148, рис. 5, 7—17], хотя для точной оценки требуется статистический сравнительный анализ всех бакальских комплексов. Отличительные черты зотинской керамики — небольшая, чисто зауральская примесь толченого талька и отсутствие гребенчатых узоров, часто встречаемых на других зауральских бакальских памятниках (13 % сосудов) [22, с. 139, рис. 3]. Отчасти это объясняется расположением селища — самым западным в группе бакальских памятников.

Кроме бакальской керамики, в коллекции Зотинского IV городища имеется обломок средневекового сосуда с плоским венчиком, прямой отогнутой шейкой, орнаментированной горизонтальными поясками и наклонными оттисками шнура или мелкогребенчатого штампа; в основании шейки — поясok мелких подтреугольных ямок (см. рис. 5, 11). Черепок серый, с примесью песка. В. М. Морозов полагает, что это посуда выделенного В. Д. Викторовой батырского типа V—VI вв. или юдинского — второй половины I тыс. н. э. [24, с. 136—138, рис. 7, 5]. Если связь сосуда с данным бакальским селищем неслучайна, то это может свидетельствовать об относительно ранней дате всего комплекса в рамках бакальской культуры. Но пока вопрос остается спорным, так как основные памятники культуры формируются значительно восточнее Зотинского IV городища.

Из находок, бесспорно, связанных с бакальским селищем, выделяются лепное пряслице и железный бронебойный наконечник стрелы (см. рис. 6, 5, 7). Пряслице изготовлено из беловатой глины с примесью мелкого песка и покрыто коричневатым налетом. В плане изделие круглое, диаметр — 3,5 см, толщина — 1,2-1,3 см. Края пряслища скругленные. В центре — отверстие диаметром 0,5-0,6 см, вокруг которого с одной стороны имеется небольшое утолщение.

Наконечник имеет шиловидный черешок длиной 3 см, массивное ромбическое в плане и сечении перо, переходящее в основании в конусовидный упор. Максимальные размеры изделия — 6,1×1,5×1,1 см. Данные наконечники имеют ряд аналогий и сходных форм, распространенных в среде кочевников евразийских степей с V по XIV вв. н. э. [25, рис. 5, 33; 10, 6—8, 12; 13, 15, 17; 33, 76, 77; 35, 18; 52, 21, 23; 55, 52—54; 74, 45—50; 90, 31]. При этом большая часть относится ко времени не позднее X в. Имеются такие наконечники и на других бакальских памятниках [22, рис. 2, 29, 30].

Отсутствие четких хронологических реперов затрудняет датировку данного бакальского селища. Она может быть установлена только на основе статистического сравнительного анализа всех материалов и после разработки четкой периодизации сылвенских древностей. Первый шаг в этом направлении уже сделан [22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стоянов В. Е. Зауральские лесостепные поселения // КСИА АН СССР. 1969. Вып. 119.
2. Стоянов В. Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // ПХКПАПЗС. Томск, 1970.
3. Борзунов В. А., Стоянов В. Е. Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала (к методике анализа памятников на примере гамаюньских городищ) // ВАУ. 1981. Вып. 15.
4. Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984.
5. Борзунов В. А., Новиченков Н. Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
6. Иванов В. А. У подножия Рифейских гор. Уфа, 1982.
7. Борзунов В. А. Гамаюньская культура (основные характеристики) // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.
8. Борзунов В. А. Отчет об археологическом исследовании городищ на рр. Синаре и Багаряке в Челябинской области в 1976 г. // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 227, 227а.
9. Бельтикова Г. В. О зауральской металлургии VII—III вв. до н. э. // ВАУ. 1981. Вып. 15.
10. Борзунов В. А. Гамаюньская культура (лесное и лесостепное Зауралье на рубеже бронзового и железного веков): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1984.
11. Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Старо-Масляное поселение // ВАУ. 1969. Вып. 8.
12. Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Ново-сибирск, 1985.
13. Бельтикова Г. В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.
14. Берс Е. М. Памятники и керамика гамаюньской культуры // Из истории Урала. Свердловск, 1960.
15. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
16. Дмитриев П. А. Жертвенные камни Зауралья // КСИИМК. 1948. Вып. 19.
17. Мошинская В. И. К вопросу о каменных плитках с рельефными головами баранов // КСИА АН СССР. 1979. Вып. 147.
18. Сериков Ю. Б. К вопросу о функциональном назначении так называемых каменных дисков // СА. 1977. № 2.
19. Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954.
20. Бельтикова Г. В., Стоянов В. Е. Городище Думной горы — место специализированного металлургического производства: Предварительное сообщение // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
21. Бельтикова Г. В. Иткульское I городище — место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.
22. Овчинникова Б. Б. О зауральских памятниках сылвенской этнокультурной области конца I — начала II тысячелетия нашей эры // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986.
23. Овчинникова Б. Б. Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
24. Викторова В. Д., Кернер В. Ф. Памятники эпохи железа у

Г. В. БЕЛЬТИКОВА, В. Д. ВИКТОРОВА, С. Н. ПАНИНА

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА ОСТРОВЕ КАМЕННЫЕ ПАЛАТКИ

Остров расположен на левом берегу р. Исети и представляет собой часть коренной террасы, отрезанной от основного массива заболоченной протокой. Размеры острова 500×300 м. Юго-западная часть его равнинная и относительно низкая (1,5—3 м от уреза воды), северо-восточная оконечность высокая (5—10 м) и гористая. Здесь возвышаются три гряды каменных палаток высотой от подошвы 3—7 м.

Исследования проводились в низинной и гористой частях острова в 1978—1990 гг. экспедицией Института истории и археологии УрО АН СССР (В. Д. Викторова, В. Ф. Кернер), Областного краеведческого музея (С. Н. Панина, С. Н. Савченко) с участием сотрудников Уральского государственного университета (Г. В. Бельтикова, Ю. Б. Сериков). В ходе раскопок гористая часть памятника обозначена как Палатки I, равнинная — Палатки II. Всего на памятнике вскрыто около 1,5 тыс. м² (рис. 1). Установлено, что древними поселенцами осваивалась главным образом прибрежная полоса западной части острова с гористым и равнинным рельефом. Зафиксировано несколько этапов заселения данного места с неолита до позднего железного века.

Остатки раннего железного века, представленные преимущественно материалами иткульской культуры, сосредоточены в оранжево-коричневой супеси на всей исследованной площади. Иткульский слой мощностью 20—30 см лежит в 15—30 см от современной поверхности. Объекты, связанные с этим слоем — основания горнов, ямы, площадки, постройки, погребение¹, — как правило, составляют компактные группы-комплексы. Ряд комплексов занимает гористую часть острова, включая плато каменных палаток (рис. 2), несколько комплексов находится в равнинной части (рис. 3). Ниже приведено подробное описание комплексов раннего железного века.

Комплекс 1. Состоит из трех углубленных оснований металлургических горнов. Расположен на ближайшей к берегу реки

---

¹ В тексте принята единая нумерация для каждой категории объектов.